

М. А. Рахманинова¹

СЦИЕНТИСТСКИЙ АСПЕКТ МАРКСИЗМА И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СНЯТИЕ УТОПИИ (На примере рецепции советской фантастикой)

Рассмотрим марксистский проект с точки зрения лежащих в его основе просвещенческих гносеологических установок, произведя анализ как на примере советской рецепции марксистской технократической утопии, так и на материале критики самого марксизма «слева». В центре нашего внимания — феномен советской научной фантастики, двойственное положение которой в советском мире (официально разрешенная, с одной стороны, и отчасти исключенная — с другой) можно расценить как основание для поиска аналогичной двойственности в самом проекте, к которому дан-

ный феномен восходит, а также его значения для марксистского проекта в целом.

Установка гносеологического оптимизма, вокруг которой концептуально выстроился весь просветительский проект, примечательна, среди прочего, исторической траекторией своего развития. Так, через марксистский проект, в числе других оказавший заметное влияние на западную мысль (и в целом реальность) XIX века, она проникла в идеологию большевизма, определившую судьбу значительной части земного шара на целый век вперед. Лежащий в основе гносеологического оптимизма сциентизм как нельзя кстати пришелся к месту там, где зазвучали политические требования создать систему, антагонистичную отсталому аграрному миру. Подхваченный фантазиями футуристически настроенных авангардистов, пафос сциентизма проник в большинство сфер культуры раннего СССР: в искусство, литературу, инженерное творчество, архитектуру, науку, кинематограф, промышленность. Представление о прогрессе совпало

¹ Доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета, кандидат философских наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Дух и буква революции: критика становления революционного субъекта с позиций левых учений», «Власть как объект исследования: специфика описания, основные проблемы анализа, стратегии продуктивности», «Язык власти в социальной повседневности: основные стратегии», «Объективация как категория власти в феномене проституции: социалистический и либеральный подходы. Научное мнение», «Генеалогия экологического кризиса: проблема антропоцентризма как вектора западноевропейской рациональности» и др.

с представлением о техническом прогрессе, прогрессе материально-производительных сил (согласно марксистской формационной теории).

Индустриальная стадия должна быть достигнута, а затем преодолена — только так станет возможным приближение к коммунизму, невозможное без прохождения этапов капитализма и социализма. В этой концепции индустриальный мир — своего рода «ворота» в мир светлого будущего, где производство автоматизировано и уже началась колонизация счастливым человечеством других планет. Такая постановка вопроса во многом определила горизонт советских режимов эстетического, свидетельства которых по сей день присутствуют в городском пространстве и памятниках культуры.

Одно из таких свидетельств — популярный советский жанр научной фантастики, ярчайший артефакт эпохи. С одной стороны, он вобрал в себя характерные сциентистские фантазии, порожденные марксистским проектированием истории, и в этом смысле вполне отвечал как формальным требованиям, предъявляемым идеологией к советской массовой культуре, так и запросам своих адресатов, социализированных в духе тотального исторического (технократического) оптимизма. С другой стороны, одновременно в рамках этого жанра парадоксальным образом сформировались и каналы «инакомыслия», а сам язык научной фантастики стал в известной степени эзоповым языком, позволяющим ставить политические, социальные и философские проблемы, не нарушая формальных идеологических границ. Фактически жанр фантастики оказался единственным средством обратиться к широкому читателю с вопрошанием о должном и сущем советского мира.

Впрочем, даже эта сравнительно безопасная мера не всегда оказывалась действенной. Так, в 1970 году «Час быка» И. Ефремова был запрещен и изъят из продажи. Сам И. Ефремов также оказался под запретом — и в качестве писателя, и в качестве ученого. По мнению советской цензуры, он покинул пределы допустимого декоративного и оптимистичного фантазирования о техногенном будущем и задался слишком опасными философскими вопросами — например, о том, действительно ли коммунизм неизбежен (при условии развития техники), или существует вероятность разворота мощного технического развития в сторону так называемого «общества потребления» либо и вовсе диктатуры — без шансов на коммунизм.

Так мы подошли к тезису о принципиальной двойственности феномена советской фантастики, заключающейся, с одной стороны, в ее производном характере (от сциентистской логики марксистской философии истории), с другой — в ее опасном диссидентском потенциале, обусловленном содержательной необходимостью творческого взгляда, в свою очередь побуждающего автора напряженно всматриваться в пропасть между сущим и должным.

Откуда происходит и в чем заключается природа этой двойственности (и в конечном счете — самого феномена советской научной фантастики)? Многочисленные современные (второй половины XX и нача-

ла XXI в.) исследования просветительских проектов (в том числе марксистского) проливают свет на этот вопрос и позволяют сделать некоторые предположения. Так, в своем исследовании классической европейской рациональности З. Бауман приходит к умозаключению, что в самой ее основе лежит логика, по своей сути чреватая бюрократией и, как следствие, тоталитаризмом. Для иллюстрации своего тезиса он обращается к характерному для этой логики (и языков ее вербализации) образу садовника, ухаживающего за садом, в котором присутствуют различные виды растений, требующие контроля, учета и пристального культивирования¹. Экспертное знание такого «садовника», предполагаемое марксистским проектом (по крайней мере, на время так называемого «переходного периода», спор о котором стал причиной раскола Первого интернационала на марксистскую и анархистскую фракции) и воплощенное как в марксистской концепции истории, так и в большевистской политике, неоднократно подвергалось подобной критике и со стороны других авторов², усматривающих в нем противоречивое зерно воспроизводства системной власти (а отнюдь не ее преодоления).

С другой стороны, в той мере, в какой расширение границ реального требует от человека включения фантазии (чего пока не может техника), его участие в техническом прогрессе всегда сопровождается риском выхода за границы сугубо бюрократического порядка требуемых для этого прогресса процедур. Поскольку фантазия трансцендентна собственно технике, а ее процессы выпадают из алгоритмов принципа как производительности (по Маркузе), так и реальности (по Фрейдю), обращаясь к ней, исследователь попадает в поле, свободное от регламента и контроля, и благодаря этому занимает метапозицию, позволяющую критически наблюдать и, возможно, регистрировать (подобно И. Ефремову и другим авторам) расхождение между реальностью и ее официальными репрезентациями.

В той мере, в какой оба эти обстоятельства происходят из марксистского проекта, марксизм сам по себе оказывается диалектичным. Если принять за тезис то, что основу сциентизма составляет творчество, запускаемое фантазией, то антитезис — это бюрократически и иерархически организованная матрица экспертного знания, своего рода технократическая сетка, производящая механическую разметку захватываемого пространства своими регламентирующими знаками. В этом случае диалектическое снятие антагонизма происходит в акте цензурирования и подавления творчества (например, в запрете произведения и/или автора или прямых репрессий), что заводит весь проект в тупик, так как тезису нового порядка взяться уже неоткуда.

Если же, напротив, принять за тезис механистический, технократический принцип организа-

¹ Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2013. С. 29.

² Скурда А. Социализм интеллектуалов. Париж: Громада, 2003; Вольский А. Умственный рабочий. Нью-Йорк; Балтимор: Международное литературное содружество, 1968; Рублёв Д. И. Диктатура интеллектуалов? Проблема «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX века. М.: МГУП, 2010; и др.

ции мира, постулируемый марксистским проектом, а за антитезис — творчество, необходимое для расширения границ реального от действительного к возможному, то в акте снятия исчезает бюрократический аппарат, зиждущийся на институте экспертного знания и известных принципах регламентации, что, в свою очередь, означает выход за пределы марксистского проекта — в анархистский (восходящий к М. А. Бакунину).

Таким образом, марксистский проект с необходимостью снимает собственную возможность: либо становясь преградой собственным движущим силам, либо преодолевая это противоречие, выходя за собственные пределы в антагонистичный проект, и потому как бы диалектически снимая сам себя. К такому выводу нам позволяет прийти анализ одного из феноменов как собственно марксистской логики, так и яркого примера ее рецепции советской традицией.